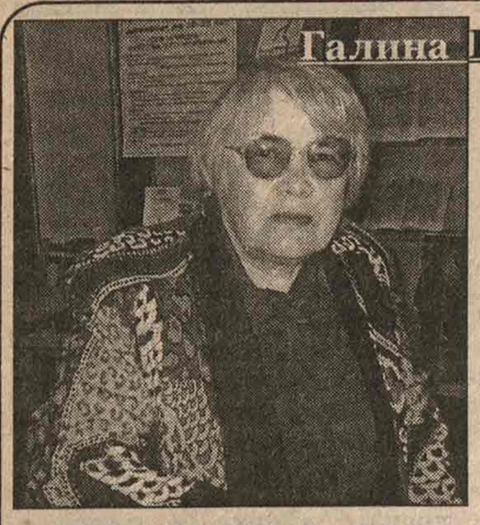
№ 12(17) 8/12/04

ГЕРОЙ

Сказание

Галина БЕЛЯНИЧЕВА



На исходе щедро, почти полетнему, отсиявшего сентябрьского дня, к вечеру подернувшегося легкой грустью, жители села Радужного услыхали отдаленное тарахтение трактора. Оно вплыло в их сознание как приятное и подзабытое воспоминание о чем-то до боли привычном и незаметно утраченном. Трактор урчал весело, празднично, распространяя на окружающий мир свое бодрое рокотание. Люди завороженно вслушивались, гадая про себя, кто это с такой радостью к ним спешит, а, может, как прежде, возвращается с поля?

Трактор протарахтел по улице и смолк на деревенской площади. В наступившей тишине, растекаясь по деревне, послышался человеческий возглас:

- Эй, земляки! Где вы есть? Я вернулся!

Тотчас же захлопали калитки, заскрипели двери, со всех сторон бежали распираемые нетерпеливым любопытством ребятишки. Вслед за ними, поспешая, выходили узнавшие голос взрослые.

У диковинного трактора стоял бывший колхозный звеньевой Иван Кострыкин. В перестройку он победил в районном и областном соревновании на звание «Герой пахоты». Его послали на союзное соревнование. Он и там выиграл. Затем уехал завоевывать мировое первенство, и с тех пор в деревне его никто не видел. Лишь по редким весточкам, которые получала его жена Анна, деревенские узнавали, что их герой переезжает из страны в страну, перепрыгивает с континента на континент и везде завоевывает первые места. В письмах Иван обещал: «Перепашу мир и приеду домой, ждите».

Поначалу сельчане между собой спорили: возвратится Кострыкин или не возвратится? Большинство сходилось на том, что не возвратится. «Кто туда ускакал, не видать, чтоб назад повертался». Меньшинство говорило: «Иван не сам уехал, его родина туда послала. Он у нас совестный, идейный - должен вернуться». Обе стороны сходились во мнении, что соблазна такого масштаба простому человеку не выдюжить, так что надо еще поглядеть - герой у них Кострыкин или не герой.

Вскоре о заграничном земляке не то, что спорить, - думать забыли. Своя российская чрезвычайка так за горло взяла, что каждому самому впору выбраться, да семью за собой вытянуть.

И, нате вам, пропавший скиталец вернулся. Да не сам-друг и не на крутой иномарке, чтобы для шику, а по-хозяйски, - невиданный в здешних местах трактор с загруженным сверх краев прицепом домой притащил. Неужто крестьянствовать собирается?

Дивно еще и то, что в паре с машиной сам Кострыкин иностранцем глядится. Был мужик, по-нашински приземистый, коренастый, как бы книзу осаженный. А там его будто на иной стандарт развернули - вширь ужали, а длину вытянули. Даже костюм, темно-синий в полоску, к отъезду в раймаге купленный и за границей почти не изношенный, и тот на Иване иноземцем смотрится. Вот что значит из родного места уехать, а тем более из отечества.

Дивятся сельчане на земляка и в смущении помалкивают. Он тоже с недоумением в них всматривается, будто за прошедшие годы они и для него неузнаваемы сделались. Только не ведавшие сомнения ребятишки с восторженным любопытством осаждают диковинный трактор, точь-в-точь как их прадеды мальчишками осаждали первый в деревне «форд-зон».

Не обнаружив среди собравшихся односельчан бывших друзей-трактористов, Кострыкин обратился к тем, кто его встретил:

- Что ж это, земляки, у вас поля непаханы, бурьяны вокруг деревни?

- Кому пахать? Колхоза нет, техники нет, каждый сам по себе, - отозвался из толпы тощий и языкатый Егор Трофимов, еще в прошлые годы по болезни списанный на легкий труд.

- Полмира само по себе хозяинует и не пропадает, - заметил прибывший.

- Тебе видней, ты там побывал, - съехидничал Егор.

- И я, как видите, там не пропал, - добавил Кострыкин, не обращая внимания на подначку Егора.

- Да там-то что, ты в наших условиях не пропади, - не унимался Трофимов.

- Для того я домой вернулся, чтоб нашу землю пахать, - отозвался Кострыкин на слова насмешника.

- С такой техникой немудрено, - не сдавался легкотрудник.

- А ваша куда подевалась? - спросил Иван.

- Вместе с колхозом ушла, - ухмыльнулся Егор.

- Дядь, ты лучше про свой трактор скажи! - крикнул какой-то мальчишка.

Сельчане, выжидательно слушавшие перепалку деревенского острослова с вернувшимся земляком, дружно загалдели, забрасывая Кострыкина вопросами: почему его трактор чудной такой и что может делать?

- Это мой конек-горбунок, - любовно похлопал Иван по боку чудесного трактора. - Механика с электроникой. Одна машина целый мехпарк заменяет. Ставь прицеп и делай что хочешь. Если программу задашь, она несколько работ будет выполнять.

- За границей все на таких тракторах пашут? - любопытствовали сельчане.

- Экспериментальный образец. В награду его получил.

- И тебя с ним выпустили?

- Законная собственность. Имею право.

- Запчасти к нему из-за моря будешь возить?

- Ему не понадобятся запчасти. Насколько рассчитан, столько и проработает.

- Без поломки?

- Без поломки.

- А если кувалдой его долбануть?

- Зачем по нему долбать? Машина умная, сдачи дать может.

- А горючка к нему какая?

- Он на самопитании. Сам энергию себе вырабатывает.

Мужики, какие были в толпе, озадаченно почесали затылки, а женщины просто не взяли в толк.

К Кострыкину подошла жена Анна и, упрекая, сказала:

- Что ж ты, Иван, приехал, а домой не торопишься?

- С людьми разговариваю, земляки ведь, - ответил Иван, всматриваясь в черты, от которых давно отвык.

Оба почувствовали скользнувший меж ними холодок.

- А где же дети? - спросил Иван, ища за женою мелкого подкрепления.

- Пока ты ездил, дети выросли, в городе учатся, - горько усмехнулась жена, давая понять, как много потеряно между ними времени.

- Забирайся в трактор, едем домой, - решительно сказал Иван, которому передалась горечь ее обиды.

Провожая глазами заморский трактор, бывший против нашего «Кировца», что воробей против галки, деревенские верили и не верили тому, как нахвалил его приехавший односельчанин.

До отъезда из села в полеводческом звене Кострыкина, кроме него, было еще два механизатора: головастый и расчетливый Павел Андреевич Тиунов и озороватый Георгий Васильевич Мостовой. Как тракторист Гоша Мостовой считался искусней Кострыкина. Он выделывал что на гусеничнике, что на колеснике черти что: гарцевал, крутил волчка и чуть ли ни выплясывал чечетку. В фигурном вождении он наверняка бы побил всех, так как был необыкновенно маневрен. В плавном и ровном ходу Иван обходил товарища выдержкой и неутомимостью, мог, не сходя с машины, сутками гладить поле.

Тиунов за скоростью и количеством не гонялся, зная, что не в этом его удача.

Он хорошо понимал землю и сроки, нутром чуял, когда на какое поле вернее всего заехать, сколько на нем провозиться и что за это время успеть сделать. В итоге звено работало умно, слаженно, с доверием друг к другу.

И вот эти два боевых товарища не посетили бывшего звеньевого по его возвращении. Павлу Тиунову некогда было оторваться от дела. Он теперь сам хозяиновал как единственный «правильный» фермер в Радужном. А Гошу Мостового скрутила болезнь, и он редко показывался со двора. Иван сам пошел к друзьям и соратникам былых дней.

Павел Тиунов встретил его с откровенным радушием, цветшим на лице уверенного в себе и понимающего собственную значимость человека. Он и принял гостя не как бывшее начальство, а как равного по уровню и положению односельчанина. В четко означенном равенстве не хватало, однако, сердечности и прежней близости чувств. «Самостийный», - усмехнулся про себя Кострыкин.

Хозяйство у Тиунова содержалось в похвальном порядке. Двор пополнили постройки нового назначения. Техника убрана под навесы. Кострыкин усмотрел трактор, комбайн, грузовик, прицепной инвентарь.

- Целый колхоз, - выразился он.

- Да, собрал, - горделиво признался хозяин.

- Паша, скажи мне, почему у тебя полный комплект, а у других ничего нет? - поинтересовался Кострыкин.

- Я раньше других понял, что пора выделяться из колхоза. Остальные еще думать об этом не смели. Значит, обогнал всех по срокам. Потом, выходил я на фермерство, а на это был уже закон и, что по нему полагалось, я из общего котла взял. Еще я успел под сносный процент кредит в банке оформить. Первым-то льгота была. Это позже деньги запрыгали, и процент немыслимо подскочил. Повезло мне новую технику по старым ценам купить. Короче, вовремя развернулся, больше иных выиграл. А наши-то чего-то ждали, за колхоз держались, пока он сам ни свернулся. Выходили уже на крестьянские хозяйства, а это рангом пониже. На руки получили, что по общему разделу досталось. Целого трактора не выпало никому, а так, что называется, по колесу - на два, на три человека. Так же и комбайн. Не сработались, горючка подорожала, запчастей не найти - невыгодно стало пахать, а комбайнам нечего убирать. Кроме того, каждому хозяину хотелось свою долю в руках ощутить, ну и нужда у людей появилась - одеться, обуться, детей на учебу снарядить. Тут проворные людишки начали по деревням скакать, технику у народа скупать. Продавали. Кто жалеючи, кто с охотой. У нас в деревне только мой трактор остался. Весной огород вспахать меня просят. С того и я живую деньгу имею.

Весь остальной разговор бывшие соратники продолжали уже в доме у Тиунова за накрытым столом с выпивкой и закуской, где языки развязались и беседа пошла откровенней.

- Что же ты, Павел Андреевич, при такой технике мало пашешь? - пытал Иван друга.

- Соответствую, Иван Тимофеевич, условиям и возможностям. Горючка дорогая. Зерновые нынче неприбыльные. Цены низкие. Принимают плохо. Хранить негде. Заморочишься, пока по зернышку рассуешь. С соей дела получше. Берут ее охотней. Себя она оправдывает и навар дает. Есть ради чего с нею возиться. Хорошо получается с сеном. Его население покупает. По заявкам прямо на дворы свожу. Ну и у себя запас делаю. Зимой продаю, кому не хватило. На полную раскрутку, как первоначально задумывал, все же не выхожу. Не по силам мне, - рассказывал Тиунов.

- Не желаешь ли, Павел, объединиться со мною? - предложил Кострыкин, глядя на размягченное выпитым, но не потерявшее достоинства и самоуважения лицо былого напарника.

- Честно скажу, Иван Тимофеевич, - не желаю. Срабатывались мы с тобой, недовольства меж нами не было. И если б объединились, то объединились бы на равных. Один твой трактор всей моей техники стоит. Но не хочу, Иван Тимофеевич, не хочу, потому что знаю тебя. Ты на разделе не был, развала нашего не видел, и, как руки у людей опустились, тоже не видел. Ты вон от нетерпенья кипишь и так попрешь, что мне за тобой, как псу за автомобилем, с высунутым языком гнаться придется. А я привык размеренно, с обдумкой и без промашки. Зря не берусь, на рожон не лезу, без выгоды не бываю и командирства над собой не допускаю. И другое соображение. Положим, возьмемся мы вместе - ты да я. Через время по твоей доброте вокруг нас толпа скопится - и всех надо кормить, обрабатывать. Не хочу я больше колхоза. Сколько силы есть, поработаю на себя.

- Паша, детки твои труды подхватят? - поинтересовался Кострыкин.

- Не подхватят, - с огорчением признался фермер. - Мои дети, как и твои, подались в город и вряд ли назад повернутся.

Найму работника или все разом продам, - осерженно выпалил Тиунов, которого мысли о будущем тоже мучили.

- Я-то рассчитывал, - мечтательно произнес Кострыкин, - вернусь домой, и мы, как прежде, звеном землю пахать будем. Для того и трактор тащил.

- А ты что там не слышал, что у нас в стране делается?

- Слышал маленько от перебежчиков. Но они все городские, по большей части столичные, деревни не знают. Говорили, что колхозы - совхозы распущены. Я не очень-то верил, думал, в нашем Радужном колхоз крепко держится. В случае чего мужики подопрут.

- Думаешь только тебе, а нам нового в жизни не хотелось? - обиженно вспыхнул фермер.

- Понятное дело, чтобы жалеть, надо потерять, а чтобы найти, надо вернуться. Я вернулся и не знаю, нашел я старого товарища или нет? - произнес Кострыкин.

- Не сомневайся, нашел, - заверил Павел. - Сам-то я сам, но такие, как ты, крепости подбавляют. Кое в чем соратничать с тобой буду, хотя понимаю, что даром это товарищество мне не пройдет, обязательно куда-нибудь

ПАХОТЫ

втравишь. Учти, Иван, дружба дружбой, а разорить я себя не дам. Сам знаешь, без пользы я не рискую.

К Георгию Васильевичу Мостовому Кострыкин шел с трепетом и неловкостью за свою удачливость перед ним и здоровье. Гоша, должно быть, увидел его из окна, потому что выслал сына встретить гостя во дворе и проводить в дом.

- Здравствуйте, дядя Ваня, - улыбчиво поприветствовал Кострыкина похожий на Гошу молодец.

Иван без затруднения вспомнил его имя и с удовольствием произнес:

- Здравствуй, Виталий.

Парню явно понравилось, что его узнали и назвали по имени.

Гоша, в самом деле, сидел у окна. Против света он показался Кострыкину точно таким, как был прежде. Даже волосы его на макушке по-молодому, вихрасто топорщились. Лицо и верхняя часть туловища были подвижны и живы. Нижняя часть скована и мертва. У Ивана возникло ощущение, что Гоша, будто в лукошке сидит, все пытается из него выпрыгнуть и не может.

- Видишь, какой я, - пожаловался старый друг. - В трактор уже не залезу, не погарцую, как прежде.

- Болезнь что же не лечится? - поинтересовался гость.

- Лечение есть, да не по нашим средствам. Курс уколов бешеных денег стоит, а их несколько надо провести. Не стоит и браться, - махнул Гоша рукой. - Я вон парня, с твоей дочерью нынче школу кончил, учиться никуда не послал. Не на что. А как ему хочется механиком стать. Где там, дома сидит, по хозяйству меня заменяет. Удостоверение тракториста у него есть, но где тот трактор, чтобы он поработал? Когда колхоз разделялся, я в больнице лежал, посчитали нетрудоспособным, трактора мне не нужно. Вместо него корову дали и быка. Все без пользы на лечение ушло. Вот мы и занищали. А как выкарабкиваться? Ты, небось, тоже уже за человека меня не считаешь? Не ко мне первому, а к Пашке пошел. Не работник я, и интереса из себя не представляю. А ведь это Тиунов развалил колхоз. Выделился первым и лучшую технику взял. Другим того ж захотелось - ну и пошло, поехало, а я с краю остался, - выказывал обиду бывший напарник.

- Не сердись, Гоша, что не к тебе первому пришел. К Павлу у меня был разговор и к тебе есть разговор. Оба вы мне нужны, - примирительно сказал Кострыкин.

Мостовой обдал старого друга настороженно любопытным взглядом, в котором вдруг загорелась надежда. Кострыкин эту живинку в нем уловил и сам оживился.

- Фермерствовать, Гоша, я собираюсь. Тебя хочу в долю взять.

- Какая с меня доля? - усомнился Мостовой.

- Это, Гоша, мы посчитаем. Поначалу с тебя земельный пай и помощник.

- Витальку хочешь взять?

- Ну, раз ты не можешь.

- На свой трактор посадишь?

- Посажу, когда обучу, а пока пусть в подручных походит.

- Не по найму, а в долю? - заинтересованно уточнил Мостовой.

- По найму, Гоша, без этого не получится, и частью в долю, - сказал Кострыкин.

- Ишь ты! - изумленно вымолвил Мостовой.

Виталька, слушавший этот разговор из кухни, широко просиял, повернув улыбающееся лицо к матери. Та, собирая угощение из принесенных гостем продуктов, кивком разделила радость сына.

- Если у твоего парня будет интерес к нашему делу, я обучу его - и сам, и на курсы пошлю. Ты, Гоша, свой курс леченья тоже пройди. Сначала один, а там посмотрим, будет ли толк. Деньги на лекарство я дам.

- Чем я, Ваня, расплачиваться буду? - осторожно спросил хозяин.

- Парень твой мне отработает.

- Ему через год в армию.

- К тому времени, может, ты на ноги, встанешь.

- Не знаю, Ваня, что и сказать. Жизнь ты мою с мертвой точки столкнул, - засмеялся Гоша мелким смущенным смехом, а затем по-мальчишечьи живо крикнул на кухню:

- Ну, что ты там, Настя, канителишься? Неси скорее на стол. И ты, Виталька, иди, разговор к тебе есть.

Из города поглядеть на отца приехали дети Игорь и Юля Кострыкины. Иван нашел их неузнаваемо изменившимися, по-городскому красивыми и остывающими к родному дому. Они же увидели прямого, подтянутого иностранца с дорогим, незабытым лицом. Иван обнял сразу обоих, и это целительно сблизило их, пронося над годами разлуки. У отца защипало в горле, на глаза набежали слезы от благодарности к детям, за радость встречи готовым простить ему долгое отсутствие. От жены похожего прощения он все еще не имел.

За столом, в первый раз за долгие годы собравшим семью полностью, Кострыкин расспросил детей, на кого они учатся.

- Я - на программиста, - сказал Игорь. - Через год получу диплом.

- Хорошая профессия, - одобрил отец. - Надеюсь, ты мне поможешь.

Игорь запнулся и промолчал.

- Я поступила на экономиста. Мне еще долго учиться, - сказала Юля.

- Очень хорошо. И ты мне поможешь, - с тем же чувством удовлетворения заключил отец.

- Пап, я не собираюсь связываться с деревней, - безоговорочным тоном пресекла его надежды дочка.

- Я тоже, - поддержал сестру сын.

- Сожалею, но разубеждать не стану, - разочарованно промолвил отец.

- А что им тут с их образованием делать? - воинственно вступилась за детей жена.

- Отцу помочь хозяйство поновому выстроить, - обернулся к ней, словно убеждая ее, а не детей, муж.

- Ты, пап, подумай, прежде чем что-либо затевать, - посоветовал сын. - Тут тебе не заграница, на свой манер не выразишься. И потом все затеи в нашем сельском хозяйстве рано или поздно проваливаются.

- За границей я не выражался, я там работал по ихним правилам. Выражаться я приехал сюда, на свою родину и свою землю! - обиделся и разгорячился отец.

- Пап, у тебя земли-то два пая, и то твой пай мамка насилу выговорила. Тебя ведь при дележке не было, - напомнил Игорь.

- Земля кругом невозделанная, - повел рукою Кострыкин. - Если она людская, с людьми я договорюсь. Мне бы с детьми договориться, чтобы от их учености моему делу толку прибавилось.

- А какой, пап, тебе от моей учености толк требуется? - спросил сын.

- Перво-наперво хороший компьютер для меня выбрать.

- Ты на такой уровень дело ставишь? - неожиданно заинтересовался Игорь. - Тогда, пожалуй, как программист, я действительно смогу стать полезным.

- Понял, наконец, - обрадовался Кострыкин. - Пообедаем, я покажу тебе свой трактор, и мы кое о чем потолкуем.

- Пап, ты еще не раскаялся, что назад вернулся? - спросила Юля.

- Не раскаялся, дочка.

- Ну что тебе тут может нравиться?

- То, что я с утра до вечера на родном языке говорю и ни в каких других языках не нуждаюсь.

- Разве плохо, папа, говорить на других языках?

- Плохо, дочка, не слышать вокруг родной речи. Без нее душа не привязывается к чужому месту.

- Пап, а на каких языках ты говорил?

- На разных.

- Ты знаешь несколько языков? - изумилась Юля.

- Ну, так, разговорно, чтоб понимать друг друга.

- Нам с Игорем так не хватает языковой практики? Почему, пап, ты ни разу нас к себе не позвал?

- Я был на временном положении: без дома, без быта, к тому же все время перемещался.

- А мы так мечтали, что ты заберешь нас к себе, - с сожалением о несбывшемся произнесла дочка.

- Чем тебе здесь плохо? Учишься в высшем учебном заведении, по специальности, которую сама выбрала. За границей не каждому удается такое.

- Пап, ты нам с Игорем в городе квартиру купишь? Знаешь, как тяжело в общежитии? А частную квартиру снять дорого и не свое, - наседала Юля, считавшая, что в обмен за долгое отсутствие в праве требовать с отца все, что захочет.

- Вы тогда совсем оторветесь от дома, - пошутил Кострыкин.

- Ну, пап, если ты тут грандиозно развернешься, от нас отбоя не будет.

- Сначала я маленечко развернусь.

- Ну, все равно, пап, в городе и тебе квартира нужна. По делам приедешь, у нас остановишься. Мама приедет, с нами поживет, - канючила Юля.

- Сперва, дочка, я в хозяйство вложусь, посмотрю, что по первому году выйдет, а там дальше решать будем. О квартире на время разговор отложим. Страсть, как не терпится работу начать.

За огородами, на краю бурьянов, Иван Кострыкин с Виталькою свели прицепные орудия в агрегат. Пока в районе готовились документы на его фермерство, Иван заключил с сельсоветом договор на опашку противопожарных полос. Ему жуть, как хотелось опробовать на родной земле свой высокотехничный трактор. Желающих поглазеть на это событие собралось негусто. Были тут прогуливающие школу ребятишки, старики из ближних домов, предводительствуемые неукротимым и любопытным Егором Трофимовым, одна невесть для чего забредшая сюда баба и пара мужиков из бывших колхозных трактористов.

На первый взгляд сцепка ничем особенным от обычной не отличалась: плуги, диски, бороны - но она не просто тащилась следом за трактором, а управлялась из него. Каждую составляющую часть можно было вводить в действие и выводить, не мешая работе остальных сцеплений. Трактористу, чтобы узнать, что делается сзади, не надо было оборачиваться к заднему окну, ни, тем более, высовываться из кабины. Все, что происходит снаружи, отображал вмонтированный в пульт экран телевизора. Трактор весело плыл среди бурьянов, оставляя позади себя взрытую, разделанную в пух землю.

- Во, дает! - не удержались от завистливой похвалы бывшие трактористы. Присев на корточки, женщина погрузила руку в мягкую почву и восхищенно проговорила:

- Ну и пышная! В самый раз для огорода!

- Картошечку бы тут посадить! - мечтательно причмокнул Егор.

Глаза мужиков, следящих за убегавшим вдаль трактором, внезапно подернулись не то болью, не то печалью. Они вдруг потеряли интерес к вспаханной полосе и понуро подались в деревню. В этот день они крепко напились и буянили.

Дотянув трактор до противоположного края, Кострыкин, а следом Виталька выпрыгнули наружу. Иван зачерпнул пригоршню вспаханной земли и поднес к носу.

- Родным пахнет! - с наслаждением вымолвил он.

- А что, дядя Вань, чужая земля не пахнет? - вставил Виталька, следом за Кострыкиным зачерпывая землю в свою ладонь и старательно обнюхивая ее.

- Пахнет, Виталька, но не родным. В родном духе все - и дом, и мать, и дети.

- А жена? - зацепил неназванное слово Виталька.

- Жена, Виталька, это другое. Это женщина, любовь. Ее запах может настигнуть всюду.

- Вас там настигал? - плутовато сощурился малый.

- Ишь, чего захотел знать? - добродушно усмехнулся пахарь. - Видишь, я вернулся, значит никакие запахи меня там не сманили.

- Я, дядя Ваня, наверно, бы не вернулся, а жену отсюда взял, - то ли от солнца, то ли от молодого задора продолжал щуриться и поблескивать глазами Виталька.

- Пойдешь в армию, будешь смотреть на дом издали, тогда узнаешь, что такое тоска по родине. Радуйся, Виталька, что свою землю пашешь.

- А что толку, что мы ее пашем, засевать все равно не будем?

- Будем, Виталька. Земля отдохнула, должна родить хорошо. Бог с ней, с противопожарной полосой, мы целиком поле запашем и весной для всей деревни картошку посадим, чтоб деньги у людей завелись, - высказал Кострыкин зародившуюся в голове идею.

В октябрьский день не бабьего уже лета с опавшей листвой и бурыми травами, солнце, забывши о времени года, жарко палило, небо сияло молодой синевой, не улетевшие на зиму птицы перекликались чистыми еще звонами, нагретый воздух зыбил над вспаханной полосой, и трактор, резво ходивший из края в край поля, подливал веселой радости в природное ликованье.

Павел Тиунов, вывозивший с поля намолоченную сою, подогнал грузовик к трактору, приветствуя пахарей.

- Начали уже? Желаю успеха, - и пожал руку - сначала Кострыкину, а потом и Витале.

После поля возле деревни Кострыкин с Виталей пахали свои и чужие паи, отданные односельчанами в аренду за долю урожая, а так же земли из резервного фонда, которые Кострыкин получил как фермер. Они успели подготовить зябь под ранние зерновые и поднять залежь под сою с расчетом весенней доработки. Кроме того, выполнили договор с сельсоветом по обкосу заросших обочин, бурьянов на задах усадеб и самих заброшенных усадеб. Радужненцы наперебой просили Ивана вспахать им огороды, лежащие за пределами усадеб. Кострыкин никому не отказывал, и хоть просил за работу недорого, многим пахал в долг, так как у людей не было денег.

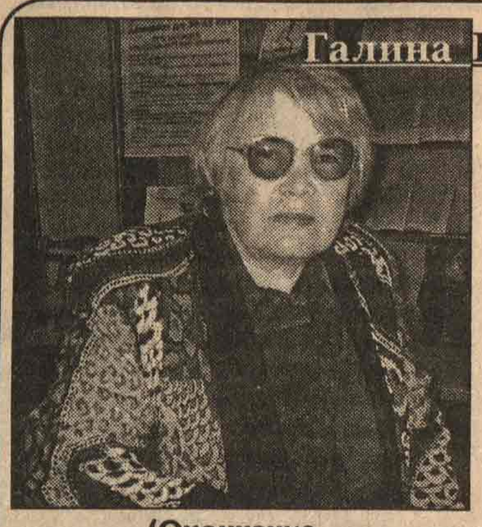
(Окончание следует)

№ 1(18) 29/01/05

ГЕРОЙ

Сказание

Галина БЕЛЯНИЧЕВА



(Окончание. Начало в № 12(17)

Он по целым дням не бывал дома, пропадая то в поле, то в сельсовете, где настойчиво пробивал идею общедеревенского картофельного поля с долевым участием всех желающих и коллективной продажей урожая по осени, то ездил в район, то в область и как будто не замечал или делал вид, что не видит деревенеющей в чувствах к нему жены.

Однажды, с наступлением уже ночных заморозков, когда с пахотных работ трактор перешел на грузовые и перевозочные, когда не прикрытая еще снегом земля под ногой отдавала звонами, а небо по ночам выстилала звездная пороша, Кострыкин вернулся домой не поздним, но по-осеннему глухим уже вечером и увидел следующую картину. Его жена Анна стояла на крыльце перед дверью в сенцы и в отрешенной задумчивости глядела в посеребренную темноту неба. Она не услышала ни стука калитки, ни гулких шагов мужа, вся сосредоточившись словно бы на ожидании ответа из звездной дали.

- Что ты делаешь, Нюра? - спросил он, полагая, что жена гадает по звездам.

- На небо смотрю, - отозвалась она, не выходя из задумчивости и будто не воспринимая его слова в реальности. Помимо воли Кострыкин глянул наверх, в звездное крошево.

- За границей небо такое же, как у нас? - голосом без выражения тотчас же спросила она, и он понял, что она не лунатит, а видит его в яви.

- Смотря откуда глядеть. В Канаде видишь одно, в Аргентине - другое, - объяснил он.

- С кем ты глядел в Канаде и с кем в Аргентине? - вымученно выговорила она то, что комом стояло у нее в горле с самого возвращения мужа.

- Если бы я был с кем-то, наверное, не на звезды б глядел! - в сердцах вырвалось у него.

- Почему тогда так надолго ты меня бросил? - поперхнувшись его упреком, с захлебыванием и кашлем выкрикнула она.

- В этом я виноват перед тобой, каюсь и прошу прощения. У нас с тобой еще много жизни вдвоем. Одиночество поврозь мы уже пережили. Зачем нам устраивать одиночество вместе? - бережно произнес он.

- Одиночество вместе? - встрепенулась Анна. - Потому что ты не ко мне вернулся! Ты вернулся к своим полям, пахоте, каким-то делам, приятелям. Где тут я, где наши дети?

- Я вернулся домой, Нюра. Это значит к тебе, детям, к тому, что дорого мне и мило.

Продолжая убеждать, он обхватил ее руками и легонько притягивал к себе.

- Ну, и что ж, что меня не было, я другого гнезда не вил и не пытался даже. Я о тебе, родной, думал, о нашей жизни...

- Родной! - повторила она слово, растопившее всю печаль ее и обиду.

- Родной, потому что нет и не было у меня женщины ближе тебя.

- А уж как я без тебя исстрадалась и высохла - сравнения тому нет.

Анна вдруг осознала, что они с мужем крепко, по-молодому обнимают друг друга.

- Что ж мы на пороге-то? - спохватилась она.

- Так на звезды же смотрим, - напомнил Иван.

- Что нам теперь звезды? С разлуки друг на друга бы наглядеться!

После примирения с женой Кострыкин повинился перед детьми и одарил желанным подарком - купил им квартиру с двумя изолированными комнатами в не новом, но капитально отстроенном доме. Сюда Игорь внес мощный компьютер, приобретенный также на отцовские деньги, и через интернет связал отца с одной из компаний северного завоза. С нею Иван договорился о продаже будущего урожая картофеля с общедеревенского поля.

Через сельсовет был составлен список дольщиков, в который вписались сами работники сельской администрации и почти вся деревня: крестьяне, сельские служащие, интеллигенция в лице фельдшера медпункта и учителей средней школы. Отказался только «правильный фермер» Павел Тиунов.

- Я уже говорил тебе, - ответил он Ивану, - что во второй раз в колхоз не пойду. А у тебя это колхоз, причем за твой счет. Я не хочу, чтобы это было и за мой счет. С землею и техникой я сам картошку себе посажу.

Иван действительно все работы по посадке, обработке и копке урожая брал на себя, обещая с продажной выручки недорого взять за технические услуги.

Это было для него платой долга родному селу за то, что покинул его в тяжелое для деревни время. Радужненцы же ухватились за идею общедеревенского поля как за соломинку, способную потянуть их к спасительному благополучию.

В конце осени Кострыкин послал Витальку в область на курсы фермеров. Параллельно с сельхознауками шустрый парень осваивал еще автовождение. В свободные часы навещал лежазшего в областной больнице отца и повторно проходившего там лечение. Георгий Васильевич ногами еще не двигал, но, благодаря уколам и физиопроцедурам, чувствительность к ним уже возвращалась. Гоша уверовал в свое излечение, был в приподнятом настроении и на костылях ходил так резво, будто это были его собственные ноги. Сына он встречал в радужном возбуждении, точно не со вчерашнего дня, а давно с ним не виделся и увлеченно демонстрировал перед ним суточные достижения.

- Надави мне на ногу! Надави сильнее! - командовал он, а затем радостно выкрикивал: - Больно! ...Теперь ущипни и щипками иди выше, выше, выше! По всей длине больно! ...Сдави стопу, сильнее сдави! Больно! Живы ноженьки, живы! Чует мое сердце, скоро пойду! А когда пойду, я Ивана Кострыкина через всю деревню на руках пронесу.

- Смотри, не надорвись. Он поматерей тебя будет, - шутливо остерегал Виталька.

- Не надорвусь, Виталька, не надорвусь. Жилы у меня крепкие. Это нервишки подводят, - истинно верил во всякую свою выдумку Гоша, и, наговорившись о себе, переходил на расспросы об успехах сына. - Ну, как автовождение осваиваешь?

- Осваиваю.

- Не сложней ведь, чем Иванов трактор?

- Да просто, пап. И дяди Ванин трактор, если понять, ничего такого, чтоб очень, нету. Я с пульта иной раз не те команды даю, но это надо потренироваться. Да, пап, я на Игоревом компьютере уже соображаю. Он главное мне показал, а дальше я сам пошел. Ничего, пап, сложного и в нем нет.

- Ты у меня толковый, совсем как я в молодости, - цвел улыбкою Гоша. - Я жадный до учения был, но разбросанный. Это меня распылило. Ты за дядю Ваню держись, советов его слушайся. Он мужик основательный и нераспыльный.

Помимо учебы и посещения больницы, Виталька успевал еще ухаживать за бывшей одноклассницей Юлей Кострыкиной; благо, жил на квартире у детей Ивана Тимофеевича, в комнате с Игорем. Юля же была рядом. Витальки́но ухаживание она принимала, но со своей стороны обязательств никаких не давала. Парнишка был готов к тому, что любовь ее ему надо было еще завоевывать.

Зимою, наняв плотника, Кострыкин строил возле двора амбар. Вдвоем они набивали щиты, соединяли их в коробы и поднимали наверх прицепленным к трактору краном. Гостивший на зимних каникулах Игорь с увлечением включился в эту работу и, размявшись за неделю по-молодецки, уезжая, сказал:

- Наработался всласть, летом еще приеду.

- В родном доме всякая работа всласть, - одобрил отец. - Приезжай, втягивайся - про город забудешь.

- Нет, пап, там все-таки прогресс.

- Я за границею поначалу тоже на прогресс все дивился, потом зло меня взяло. Почему у них прогресс, а у нас нет? Вернулся, чтоб тут жизнь толкнуть.

- Не, пап, не агитируй. Я не надивился пока, а там видно будет.

- Не спеши, сынок, - время терпит. Я задела еще для тебя не создал, - оставил за ним выбор отец.

- Ну, пап, ты всерьез развернулся, - с хитроватым намеком выразился Игорь, и отец понял, что сыну известно о беременности матери.

- Коли жить, так жить уж по полной, - смутился он.

Стук топоров, звон пилы, урчание трактора, скрипение тросов зимними днями на хозяйственном дворе Кострыкиных не дали деревне погрузиться в сон. А когда работы по строительству были закончены, обшитое жестью сооружение возвысилось над селом, как блиставший доспехами богатырь над остальной ратью.

В марте вернулся с учебы Виталька. Он привез с собою отца, окончившего второй курс лечения. Гоша все еще был на костылях, но уже мог какое-то время стоять без подпор и делал попытки шагнуть.

- После третьего курса не то что пойду - побегу, - уверял он. - Мне теперь у нашей фельдшерицы уколы делать. А под ее рукой не то что человек, конь взбрыкивает. Как рвану от нее - про костыли забуду, - балагурил увечный.

Кострыкин с Виталькой и Тиунов выехали на свои поля готовить почву под ранние зерновые. Несмотря на то, что оба фермера заняли посевом столько пахоты, насколько хватило семян, еще много земли осталось нетронутой плугом. Кострыкина огорчало, что разом даже его трактором все нельзя охватить. Как бы еще технику и еще работников привлечь?

В деревне к пахарю подошли два бывших тракториста и спросили работы хотя бы на сеялках.

- Нет сейчас у меня для вас работы, автоматикой управляемся, - посочувствовал им Кострыкин и успокоил: - Потерпите, мужики, посажу вас за рычаги. Есть у меня такая идея.

- А долго ль терпеть? - поинтересовались они.

- Надеюсь развернуться скорее, чем вы от безделья сопьетесь.

- Да уж поспеши - терпенья нашего нет.

- К следующей весне, ребята, готовьтесь и сохраняйте себя. На раньший срок, к сожаленью, не обещаю.

Кострыкину с Виталькой пришлось пережить трудоемкий и канительный по организации период посадки людской картошки на общем поле. Все село высыпало за деревню. Люди галдели и волновались, чтобы не перепутались семена, чтоб не забылся при посадке чей-то мешок, чтоб не обошли кого-то в очереди. Гоша Мостовой на костылях метался среди народа, хотя его личного присутствия на поле не требовалось, так как хватало Витальки. Но он с удовольствием терся возле людей, встревая в возникавшие споры, успокаивал, уговаривал, устанавливал очередность, сглаживал и создавал новые водовороты. Егор Трофимов по колхозной еще привычке легкотруда добровольно навесил на себя совершенно ненужные обязанности счетовода и с начальственным видом записывал на бумаге против фамилии каждого количество представленных для посадки мешков и количество получившихся рядков. Это рождало дополнительную бестолковщину, но люди принимали ее за дело, любопытно сравнивая, у кого какая получилась отбраковка не подошедших по калибру клубней.

К концу дня Кострыкин устал от людского шума, суеты и беспокойства. А Виталька буквально валился с ног. На него выпала вся тяжесть общения с недоверчивыми земляками. Отец, побалагурив, ушел, а Виталька до конца исполнил роль распорядителя, организатора, миротворца, вселявшего в сельчан уверенность, что никто из них не будет обижен или чем-либо обойден.

- Ничего, что устал, - приобнял парнишку Кострыкин. - Доброе дело людям дорогого стоит.

- Оно вам, дядя Ваня, дорого будет стоить, когда придет время считать расходы, - напомнил помощник.

- Вот, чему тебя в фермерской школе обучили? Давай тогда вместе считать, - улыбчиво предложил Иван.

Анна Кострыкина уже не ревновала мужа ни к заморским красавицам, так долго продержавшим его у себя, ни к полям, ни к трактору, ни к поздним возвращениям Ивана домой. Она была полна своим счастьем. Все в ее жизни шло на прибыль: вовремя отелилась корова, опоросилась чушка, куры неслись, дети приезжали и бывали при ней, ребенок под сердцем рос и радостно бултыхался во чреве. Анна помолодела, словно заново переживая потерянные в одиночестве годы.

После сдачи летней сессии Юля Кострыкина поспешила домой. Неизвестно, к кому она больше торопилась - к родителям или Витальке. Вместе с ним они сделались неразлучны. Где бы Виталька ни был, что бы ни делал, он неизменно оказывался возле Юли. А когда его не было, возле него оказывалась она. Со всей очевидностью дела у них слаживались, и никто этому не собирался препятствовать.

У Кострыкина с Виталькой одна работа сменялась другою, и трудились они, не разгибая спины. Они косили травы, заготовляя сено, которое тут же за живые деньги или в долг раскупали односельчане и жители окрестных сел. Они пололи и окучивали картошку на общественном поле, радуя земляков качеством машинной обработки. Они косили на свал хлеба и подбирали купленным в рассрочку комбайном. И опять же покупатель стоял у них за спиной, договариваясь о цене, объеме и форме закупки.

В августе Анна родила сына. «Львенок», - сказал о нем отец, а назвал Геннадием в честь заморского босса и друга Генри Фостера.

В первых числах сентября без суеты и волнения выкопали общественную картошку. Каждый из дольщиков свой урожай просушил, замерил и загрузил в пустовавшее колхозное картофелехранилище, по счастью не слишком разрушенное и за лето слегка подновленное. Оттуда продали уже покупателю, расфасовав и погрузив на транспорт за его счет. Кострыкин по-божески отминусовал от полученной суммы плату за технические услуги, оставшиеся деньги в зависимости от доли каждого раздали сельчанам. Не столь великие доходы подействовали на самочувствие людей, подняли их дух, вернули уверенность и впервые за годы развала позволили испытать к себе уважение.

Внешне в Радужном как будто ничего не переменилось, но окна в домах светились жизнью, и деревня не казалась уже одичавшей в бурьянах маргариткой.

В ноябре Витальку Мостового проводили в армию. Юля пообещала ждать, Кострыкин взял с него слово вернуться, а Гоша наказал сыну ни при каких случаях не унывать и не терять присутствия духа.

По завершении своего первого земледельческого года Кострыкин подвел итоги, просчитал доходы-расходы, продажи-остатки, сопоставил долг с прибылью и понял, что не выполнить ему слова, не посадить мужиков за рычаги. Сейчас они нанялись трактористами на лесозаготовки, уехали на зиму из села. А что он им скажет, когда они весною вернутся? Что он, ботало заграничное, сбрехнул лишнее, а потому спивайтесь, ребята, - рычагов вам не будет? Вздохнул Иван глубоко, поворочал в голове тяжелые мысли, помороковал туда и сюда, да и заслал по электронной почте послание бывшему американскому боссу: «Гена! Займи денег. Твой русский друг Иван», - написал он на плохом английском. Ответ получил на плохом русском:

«Иван! Я выезжать, смотреть, решать.

Твой американский друг Генри».

В скором времени по длинной улице Радужного в сопровождении Ивана Кострыкина и тылового эскорта распираемых любопытством мальчишек вышагивал поджарый иностранец и с жадным интересом разглядывал русское глубинковое село, то и дело справляясь у спутника:

- Иван, можно мне войти в этот двор?

- Да, пожалуйста, мы от людей не таимся.

Хозяева, как правило, были польщены приходом к ним заморского человека и в свою очередь поражались безмерной его пытливости. Он с одинаковым увлечением осматривал дом, расположение и убранство комнат, интересовался конструкцией и обогревательной способностью печи, не пренебрегая интересом, что на ней варится, стремился заглянуть в подсобные помещения - чуланы, кладовки, подполья, не обходил вниманием чердаки, сени. Во дворе он обстоятельно знакомился с хозяйственными постройками, исследуя по очереди летние кухни, хлева, сеновалы, стайки, птичьи клети, дровяные сараи, совал нос даже в туалетные домики. Составив себе представление о содержании, разнообразии и количестве живности, он выходил на засыпанный снегом огород и там расспрашивал, где что садится и какой урожай с этого получается. После такой всеохватной инспекции любопытство иностранца оставалось неутоленным, он рвался еще что-то спросить, да уже спрашивать было не о чем. Он словно материал для диссертации собирал или подробную записку о русском крестьянском быте в ЦРУ предполагал составить. Сельчане чрезмерную любознательность чужеземного гостя объяснили с понятных для себя позиций: с луны человек свалился, обыкновенной жизни не видел. Неужто у них за морем не как у людей? Иностранец же выказывал любопытство, но не высказывал отношения. Ни единого раза не подал вида, нравится ему что-либо или нет.

В сельсовете, где Кострыкин знакомил Генри Фостера с местной властью, подробные вопросы гостя смутили работников сельской администрации, усомнившихся вдруг в достаточности своего служебного рвения. Они дали понять, что не прочь

ПАХОТЫ

поучиться чужедальнему опыту. Иностранец учить никого не стал и высказался только о пирожках, испеченных искусной рукой секретаря сельского совета, неподражаемой в кулинарных делах женщины.

Впервые не для вопроса, а для ответа мистер Генри открыл рот в доме Павла Тиунова, куда он пришел один, без друга Ивана, постеснявшегося своего конкурентного положения, так как Павел тоже просил кредита у богатого американца. Мистер Генри остался доволен хозяйственными и финансовыми делами фермера.

- Я вижу вашу перспективу, мистер Павел. Вы правильно понимаете бизнес, вы справитесь. Я дам вам денег под умеренный процент. Мы оба получим выигрыш. Поздравляю вас, мистер Павел! - торжественно произнес Фостер и пожал Тиунову руку.

С другом Иваном друг Генри говорил суше и строже.

- Иван, я не вижу твоей перспективы. Ты не справишься. Ты служишь не бизнесу, а социальной идее. Ты хочешь поднять свою деревню на мировой уровень, но не понимаешь, что ваши привычки сидят в очень глубоких гнездах. Их оттуда не вытащить. Поверь мне, Иван, правильней думать о себе, а не о тех, кто не вкладывает в твой бизнес. Люди посмотрят на твой успех, на успех Павла и сами выплюнут свои привычки. А не выплюнут - ничего с этим не поделаешь, и делать не надо. От социального равенства не может быть пользы.

- Ты не видел, Гена, как тут раньше мы жили, - угрюмо обронил Кострыкин.

- Не видел, но представляю. Остатки утраченного лежат печатью на некоторых дворах.

- Я должен помочь землякам подняться, пусть даже без твоих денег, - бесповоротно заключил Иван.

- Почему без моих? - не согласился Фостер. - Я твой друг, я уважаю твое мужество, я сам люблю риск, и я имею огромное любопытство посмотреть, что у тебя получится. Я дам тебе денег! Но за риск обложу тебя не вполне умеренным процентом, а себя обезопасю условием. Если через три года ты не выплатишь установленной договором части долга, я заберу у тебя трактор.

- Нет! - протестуя, сказал Кострыкин. - Трактор я тебе не отдам. Я заработал его для нашей земли.

- Хорошо, - переменил решение Фостер. - Ты сам стоишь трактора. Заберу тебя. У меня отработаешь долг. Согласен?

- Согласен, - тихо подтвердил Кострыкин.

- Учти, это договор. Отменить невозможно. Не передумал?

- Нет.

- Тогда я намерен встретиться с твоим ученым сыном. Я хочу, чтобы он слал мне отчеты, контролировал твои расходы и сдерживал твои расточительные идеи. Ты не возражаешь? В таком случае по рукам и к делу.

До своего отъезда Генри Фостер успел оказать спонсорскую помощь сельсовету, сделать подарок маленькому тезке, сговориться с Игорем Кострыкиным и оставить о себе в Радужном смешную, но уважительную память.

Когда, возвращаясь с армейской службы, Виталька вышел из автобуса в родной деревне, он удивился ее заносчивому, как у избалованной ухажерами девки, виду. Без него жизнь тут будто переменилась. Развилок дороги, сворачивающей от автотрассы к селу, отсыпан гравием и накатан. Кюветы по обеим его сторонам нарезаны. Заборы у домов и калитки поправлены. Дома хоть и те же, но как будто принаряженные. Окна сияют довольством. Улица оживлена движущимися людьми и машинами. В воздухе висит мерное и деловое жужжанье. То ли бензопила поет, то ли трактор урчит, то ли молот звенит. И это поздней осенью, когда, натрудившись за лето, село непробудно спит?

Пройдя дальше по улице, Виталька увидел строительную суету на зерновом дворе. На месте разрушившихся каменщики выводили новые стены складов.

- Дядя Паш, - крикнул Виталька торчавшему возле строителей Тиунову, - колхоз возвращается?

- Не-е, - разулыбался фермер. - Это мы в складчину зерновой двор поправляем. Склады себе делаем.

- А что, деревня разбогатела?

- Есть, которые поднялись. До кучи сводимся, чтоб не каждому амбар себе охранять. Забором обнесем, сторожа поставим - кооперативное хозяйство будет. У кого своя доля, а у кого аренда. Пайщиков тоже пускать будем.

Тиунов оглядел военную форму Витальки и приветливо заметил:

- Отслужил уже? А мы не заметили, как время прошло. Ты, конечно, к Кострыкину повернешь? Ну, да, вы с отцом у него в доле. Я теперь тоже механизаторов нанимаю и простых работников тоже, - похвастался фермер.

- Я смотрю, тут дела вообще в гору пошли, - оценил обстановку демобилизованный.

- Да, живем. Иван Тимофеевич всех огнем запалил. Землю колхозную до последнего гектара вспахали. Да еще в драку. Каждый норовит свой пай засеять.

- Технику где же берут? - удивился Виталька.

- Кострыкины, как МТС раньше, желающим выделяют. Кому на раз, а кому и на время. Ты у них в мастерской еще не был? Иди туда. Там и отца встретишь.

Не заходя домой, Виталька повернул к мастерской. Она стояла на задах деревни. В воспоминаниях раннего детства Витальки ее обширный двор, точно на выставке, был заставлен многочисленной разнообразной техникой. А когда Виталька учился в средних классах, мастерскую растащили, один остов с продырявленной крышей зиял. Такою она была и когда Виталька уходил в армию.

А сейчас он увидел высокий забор с распахнутыми воротами. Во дворе сколько-то техники. Меньше, чем прежде, но достаточно убедительно. Стоит она не под открытым небом, а под навесами. Здание мастерской отремонтировано, оштукатурено и покрашено. Крыша над ним поднята выше, чем была раньше, и по-новому устроена: скаты ее круче, и вдоль гребня ряд окон для дополнительного освещения. И вообще, все здесь на ином, чем было даже в лучшие времена, уровне.

Через площадь двора, ковыляя с опорой на трость, навстречу демобилизованному солдату спешил отец.

- Гоша, железную скорость включи! - посоветовал прозвучавший из глубины двора голос.

- Ничего, я так добегу, - откликнулся, поспешая, увечный.

- Батя! - кинулся к нему Виталька.

Они горячо обнялись, расцеловались и, переговариваясь, направились к мастерской. Там Виталька так же горячо обнялся с дядей Ваней Кострыкиным, поздоровался за руку с Игорем Кострыкиным, окончившим учебу и управлявшим делами отца.

- Отдохнешь, Виталий, и за работу, - сказал демобилизованному солдату Кострыкин. Игорь кивком поддержал это приглашение, а Гоша повел сына знакомиться с хозяйством.

Мостовой, выполнявший тут должность ночного сторожа, по собственной непоседливости пропадал в мастерской целыми днями.

- Пап, это правда, что все колхозные поля распахали? - спросил Виталька.

- Правда, сынок, - ответил Гоша. - Нынешней осенью последнюю залежь подняли. Иван Тимофеевич из трактора не вылезал. По его примеру другие фермерами заделались, свои паи пашут. Народ в земледелие ударился. А что, Кострыкин технику дает, цены не заламывает. Хочешь, на сезон трактор бери, хочешь, на раз только. Хочешь с трактористом, хочешь без тракториста. Всех приохотил. Кострыкинские трактора и в соседних деревнях пашут. Ремонт весь опять же у нас. В этой мастерской то есть. Станки, видишь, какие? Лучшего в районе токаря Иван сюда перевез - со всею семьей и домом. Автомобили чиним: грузовые и легковушки. Тоже со всей округи едут. Тележки на заказ делаем - ручные и прицепные, какие хочешь. Мне самокатку с моторчиком смастерили - разгонюсь, не догонишь, - и Гоша с хвастливой радостью перевел разговор на себя. - У меня нынче три скорости: костяная - увечная, деревянная - костыли, чтобы скорей подскочить, и железная - самокатка моя. Из-за нее в сторожа взяли - в каждый уголок заскакиваю и на разгоне любого пострела могу изловить. Как тракторист я тоже пригодный. Во дворе любой техникой маневрирую. Загоняю на ремонт, выгоняю с ремонта, обкатываю. Так что, живу я, Виталька, в полную меру и надеюсь дальше ноги подремонтировать, чтобы без палки ходили и бегали. Доброго здравия за то Иван Тимофеевичу! Срочной выплаты ему всех долгов!

- У дяди Вани долги?

- Долги - это одно. Главное, к сроку он с ними не поспевает. Иван не всему хозяин. Над ним иностранец стоит. Он ему деньги под договор дал, чтобы к положенному сроку назначенное количество выплатить, иначе капиталист Ивана к себе заберет. Видишь ли, наш Иван для иностранца дороже денег. Где он еще такой экземпляр сыщет, чтоб не для себя, а для людей жил? В мире подобных нету, у нас и то перевелись. Тиунов, хоть и правильный фермер, но уже не такой. Он тоже у капиталиста инвестиции взял. Тот ему за его правильность лишь процент наложил. У Тиунова дебет с кредитом сходятся, потому что все на себя пустил. А у Ивана Игорь, сколько ни старается, никак не натянет финансы, потому что Иван не только техникой помогает, он еще от себя ссуды дает, чтоб человек на ноги встал. Через год срок отдачи подходит. Иван надеется, что Генри, иностранец этот, по дружбе отсрочку сделает. Друг-то он друг, но капиталист и выгоды своей не упустит. К тому ж, он за бизнес по-тиуновски ратует, не по - кострыкински, значит. Иван намекал, что иностранец игрок. Я полагаю, что для себя он на кого-то из них поставил, иначе зачем ему было Тиунову капиталы давать? Он для него не друг и никто. Вон как заморцы дела свои делают, нашим братом в орла или решку играют. Включайся, Виталька. Поглядим еще, чья возьмет, - хлопнул Гоша по плечу сына и на радости возвращения еще раз с ним обнялся.

Срок договора истек, Кострыкин долга не выплатил, и мистер Генри приехал в Радужное. Накануне его приезда Павел Тиунов предложил бывшему звеньевому деньги на частичное покрытие долговой бреши. Кострыкина растрогала необычная для друга и конкурента щедрость, но принять ее воздержался, так как надеялся на душевную милость другого друга.

На этот раз иностранный гость любопытства не проявлял, в чужие дворы не заглядывал, но, оказалось, хорошо запомнил принимавших его хозяев в лицо и при встрече с ними крепко пожимал руки. Если встреча происходила у ворот их домов, и американец беглым взглядом поверх забора положительно оценивал произошедшие там перемены, он приветствовал прежних знакомцев с особенным воодушевлением. Жаркими объятьями он наградил работников сельсовета, похвально, по его мнению, для своего учреждения и для благоустройства села распорядившихся его спонсорским даром. Павлу Тиунову, чье хозяйство и финансовое состояние он нашел в образцовом порядке, одобрение его успехов выразил дружественным и уважительным похлопыванием по спине. Игорю Кострыкину, как управляющему делами отца, сделал серьезное внушение за недостаток жесткости в стиле управления. Впечатление о делах и поступках друга Ивана мистер Генри высказал в речи, произнесенной в присутствии всего семейства Кострыкиных, включая маленького Геннадия и зятя Виталия. Гость выразил восхищение тем, что Иван пробудил в своих сородичах потерянную волю к жизни, что создал землякам привлекательные условия для труда, чем вытащил людей из нищеты и бедности. «Но, - указал далее Фостер, - его друг недопустимо мало сделал для себя самого - пренебрег правилами бизнеса, распылил инвестиции, не извлек надлежащей пользы из исключительной особенности своего трактора, который один мог сделать его самым богатым фермером страны». К глубокому своему огорчению Генри Фостер признал хозяйствование друга Ивана неудовлетворительным, финансовое состояние его дел убыточным, а положение самого Ивана по условиям договора зависимым. Так как правила дружбы ни законов бизнеса, ни условий договора не отменяют, американский друг предложил русскому другу передать дела старшему сыну Игорю и поступить в распоряжение старого своего босса. В доказательство справедливости своих требований и по русским правилам тоже мистер Генри привел две русские пословицы: «долг платежом красен» и «уговор дороже денег».

Иван Тимофеевич в горести уронил на грудь голову. Его жена Анна, протестуя, заголосила, что соломенною вдовой не будет, что безотцовщину растить не желает, что бы там ни думали и ни говорили, а она все бросит, возьмет ребенка на руки и последует за своим законным мужем. Игорь попытался кредитора заверить, что с долгами они справятся, и попросил у него отсрочки. Юля молча заливалась слезами. Виталька, недавно ставший членом семьи Кострыкиных, и, согласно наказу отца, ни от чего не унывавший и ни перед чем не терявший присутствия духа, во всеуслышанье предложил:

- Возьмите меня вместо дяди Вани.

Юля перестала рыдать и с настороженным испугом подняла на мужа глаза. Все другие Кострыкины поглядели на нового члена семейства с надеждой. Генри Фостер пронзил молодца испытующим взглядом и вопросительно скосил глаза на Ивана. Тот кивком подтвердил основательность предложения.

- Хорошо, - произнес мистер Генри, обращаясь к Витальке. - Я проверю, какой ты есть тракторист.

И устроитель мировых состязаний пахарей объявил турнир трактористов села Радужного. Районное начальство, услышав о затеваемом соревновании, перевело его в ранг районного, само нагрянуло на праздник и механизаторов из других сел прислало.

В ближайшее воскресенье летние работы на полях были прерваны, и народ, как на ярмарку, съехался в село Радужное. Кострыкин выставил на состязание все свои трактора с пожелавшими участвовать в состязании трактористами. Тиунов выставил свои механизмы и своих людей. От района и других сел участвовали пять трактористов. Турнир проводился на личное первенство с тремя победными призами и поощрительными наградами. Районное начальство приготовило грамоты. Генри Фостер выступал как спонсор и судья. Ивану Кострыкину была отведена роль почетного и ведущего участника без права борьбы за первенство. Он выехал на своем необыкновенном тракторе. Не утерпел, забрался в кабину и сел за рычаги Гоша Мостовой. Его пробовали отговорить, он доказывал, что натренировался на маневровке не хуже любого другого тракториста.

- Должен я сыну нос утереть? Захотел отца обогнать! - горячился он.

На пологом, с небольшим уклоном косогоре вешками обозначили воротца. Между ними, петляя и выстилая змейку, должен был плавно и увертливо проскочить трактор. Первым, показывая, как надо, по кривому маршруту прошел Кострыкин. Дойдя до конца и не разворачиваясь, он задом повел трактор наверх, проводя его через воротца, не задевая и не опрокидывая при этом вешек. После него так же чисто вверх и вниз провел сквозь воротца свой трактор Виталька. Следующие участники на слаломе сбивались, заваливали вешки, пропускали воротца, застревали на подъеме. Неожиданно прытко прошел спуск и подъем Гоша, а на вершине, к буйному восторгу зрителей, еще и прогарцевал. Этого не умел никто: ни Виталька, ни даже Кострыкин.

На пахоте Гоша не отличился, уступив почти всем участникам турнира. Виталька ни в чем не уступал Кострыкину, несмотря на то, что был на обычном тракторе. Не сводивший с молодого пахаря глаз Фостер узнавал в его почерке манеру Ивана. Та же неспешная плавность хода, молниеносные развороты, на которых Кострыкин выигрывал время, совершенное управление агрегатом, чувство земли и машины, завораживающее по красоте, гармонии и живописной силе действо. Все, что было профессионально достойного в нем, Иван чудесным образом передал молодому пахарю, не испортив природной его задоринки и простодушного удальства. Вне всякого сомнения, Фостер видел перед собой будущего чемпиона.

Вручая Витальке приз победителя, мистер Генри приобнял лидера, повернул его лицом к зрителям и крикнул в толпу:

- Отличный парень, верно?

Публика отозвалась одобрением. Иностранец улыбкой и всей подвижною мимикой лица режиссировал ее реакцию. А когда зрители дружными криками выразила свое согласие, Фостер с той же улыбкой и мимикой неожиданно объявил:

- Я у вас его забираю!

Прежде, чем обескураженная публика выразила свое отрицание, Виталька шепнул иностранцу:

- Только вместе с женой.

- Конечно, - так же стремительно отозвался тот.

И тут протестующие вопли толпы накрыли их шепот. Некоторое время Фостер с улыбкой глядел на кричащих людей, а затем жестом укротителя, меняющего настроение публики, поднял руку и радостно провозгласил:

- С вами остается ваш герой, мастер мирового уровня, непобедимый чемпион Иван Кострыкин!

Мистер Генри схватил руку стоящего рядом Ивана и резким движением вздернул ее наверх, сосредоточив на ней и самом Иване внимание зрителей. Незаметно для себя переведенные в иное настроение, они приветствовали уже другого героя.

Улучив момент, когда шла раздача призов остальным участникам соревнования, Кострыкин отвел зятя в сторону.

- Не сомневайся, Виталька, мы тебя выкупим, обязательно выкупим, - заверяя, пообещал он. - Ты будешь там, со своей стороны тоже подсоби. А после смотри сам, как тебе поступать. Вместе с женой решайте. Не очень-то на заграничное соблазняйся. Там законы пожестче наших.

Подошедший с поощрительной наградой Гоша по-родительски вклинился в их разговор:

- Не горюй, сынок, что силком за границу увозят. Там все же не тот свет, - с него возвращаются. А я тебя тут заменю. Намерился я без деревянной скорости обходиться.